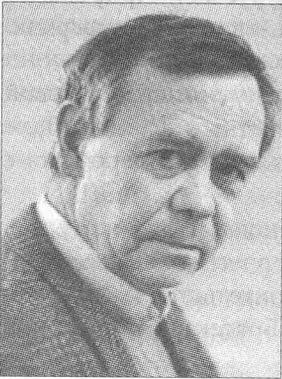

Беседы «Сибири»

ЖИВ НАРОД... В НЕМ ВСЯ НАША МУДРОСТЬ

С Валентином Распутиным беседует писатель Игорь Шумейко

Творчество известного русского писателя Валентина Григорьевича Распутина как нельзя лучше подтверждает слова Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью». И русский созидательный дух, и русская совесть, и русское философское постижение жизни — всё это «прирастает» книгами, трудами великого сибиряка, с которым мне выпадала удача неоднократно беседовать. Особо ценю встречу на родине Валентина Григорьевича, в Дни Русской духовности и культуры «Сияние России».

От Иркутска до родины Валентина Распутина поселка Усть-Уда — 3 часа на автобусе и 50 минут на пароме, с левого берега Ангары на правый. Солнце, ясное небо, 20 градусов тепла в октябре — мы радовались как дети вместе с настоящими детьми, школьниками, ехавшими на этом же пароме на встречу с великим земляком... И главное впечатление — синь Ангары. Единственно, никак не удавалось развеселить Валентина Григорьевича. И провожая его взгляд, начинаешь и сам задумываться: да и Ангара ли это?! Нам, туристам, красот и впечатлений хватит на год, но каково человеку, помнящему настоящую Ангару? И даже если следить не по взгляду знаменитого уроженца этих мест, а по строгой географической карте, то прочтете: «Братское водохранилище». Похожее на школьную кляксу, накрыв Матёру и еще десятки деревень, особенно широко разлилось оно ближе к плотине ГЭС, но и близ Усть-Уды мало напоминает реку распутинского детства. И жители Усть-Уды и Аталанки — многократные переселенцы, учет этих блужданий Распутин ведет строго. Многим пришлось переезжать по несколько раз: выделенные поселки из-за строительства новых ГЭС тоже уходили под воду. Его описания нынешней Ангары, «болезненно-распухшей», вызывают почти физическое страдание.

А глава Усть-Удинского района Владимир Михайлович Денисов поведал вещь поразительную: данные георазведок говорят о найденном здесь гигантском месторождении газа. «Вторая Ковыкта». Вообще-то и сама Ковыкта — не так далеко от этих мест, но до этого воспринималась как другая страна — продолжение Западно-Сибирского языка нефтегазовых месторождений. А здешним распутиным местам, казалось, выпала другая служба, другое страдание: расплачиваться за мегакиловатты ГЭС и тысячи тонн выплавляемого алюминия... Так нет же, еще и газ. (Ближайший вспомнившийся «аналог» — нефтяной фонтан, вдруг забивший прямо в поместье Хемингуэя.)

И зная, как всё получалось до сих пор с раскрытием и приватизацией наших «подземных кладовых», понимаешь печаль Валентина Григорьевича, выслушавшего это сообщение. Как распорядятся этим очередным подарком русской Природы — неизвестно, а мы пока безо всяких налогов на «природопользование» безудержно потребляли Красоту, Гармонию ангарских берегов...

И.Ш.: То, что русский писатель Валентин Григорьевич Распутин начинал свой творческий путь как журналист в сибирских газетах — известный факт. Однако поступали вы на историко-филологический факультет Иркутского университета с намерением стать учителем.

В.Р.: Даже практику на старших курсах проходил — преподавал литературу в иркутской школе. Но примерно тогда же я стал нештатным корреспондентом молодёжной газеты. И вот журналистика увлекла. Тот период — строительство магистрали Абакан — Тайшет, гидроэлектростанций, заводов Иркутска, Братска — будоражил общество, ставил столько острых вопросов...

И.Ш.: Ваши очерки сразу же вызвали огромный интерес, многократно перепечатывались, выходили книгами: «Костровые новых городов», «Продаётся медвежья шкура», «Край возле самого неба». А вслед за очерками пошли и рассказы, повести «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни». Вас отметили первой Государственной премией СССР. Ну а повесть «Прощание с Матёрой» сделала всенародно любимым и всемирно известным русским писателем. В то же время внимание к школе, российскому образованию вообще остаётся важной струной Вашей жизни.

В.Р.: Мне много пишут учителя, благодаря чему я хорошо представляю ситуацию в нашей школе — вплоть до самых современных тенденций и печалей. Самыми благородными могу назвать сегодня усилия учителей Тайшета, Красноярска, Московской области, которые, несмотря на все директивы, разнарядки Министерства образования, на свой страх и риск ведут дополнительные уроки по русскому языку, литературе, позволяя своим ученикам продолжать расти гражданами, культурными людьми.

И.Ш.: Что лучшее из советского образования Вы бы взяли в сегодняшний день?

В.Р.: Многое. Мне ближе гуманитарные предметы, и могу твёрдо сказать, что литература, письменность, история преподавались у нас на прекрасном уровне. Взять то же заучивание наизусть — достойных, конечно, произведений, — ведь это и тренировка памяти, и пополнение багажа знаний, и развитие души, когда этот текст начинает жить в тебе...

И.Ш.: Мы видим, что эта традиция классического образования подтверждается несколькими столетиями мировой педагогической практики. В Царском Селе, Итоне, Оксфорде наизусть заучивались огромные фрагменты, в том числе на «мёртвых» языках. Валентин Григорьевич, расскажите о своей школе.

В.Р.: Я с благодарностью и не иначе как чудо вспоминаю свою школу. В маленькой деревне учеников было 15 человек — первый, второй, третий и четвёртый классы.

Только какие там классы! Одна комната, правда, просторная, и занятия вёл один учитель, обращаясь по очереди к каждому. Я, например, до школы читать не умел, но быстро втянулся в такой ритм и стиль учёбы. Это же радость, когда ты отвечаешь и свой урок, и потом можешь что-то сказать по уроку, который проходят старшие. Постоянный интерес, не сухая, не сонная атмосфера в классе.

И.Ш.: Ну а после начальной школы Вы уехали в Усть-Уду, где была средняя школа. Та жизнь отражена в рассказе «Уроки французского». А прообраз той учительницы, Лидии Михайловны...

В.Р.: С нею вышла интересная история. В 1973 году, когда выходил рассказ, я не знал, где она живёт. А накануне публикации «Уроков французского» были как раз сороковины (сороковой день после смерти) моего земляка и большого друга Александра Валентиновича Вампилова, который, кстати, сам из учительской семьи. И рассказ я посвятил его матери, светлой женщине Анастасии Прокопьевне Копыловой-Вампиловой. А потом, когда рассказ перевели и издали, в том числе во Франции, эту книгу в магазине увидела и сама Лидия Михайловна. Так вышло, что она жила уже во Франции и совершенно не знала, что её бывший ученик стал писателем, выпустил рассказ о ней. Прочитав его тогда, она и написала мне.

И.Ш.: Да... «Уроки французского»... на французском. Прямо тут и второй рассказ. Знаю от нескольких педагогов: Ваша Лидия Михайловна в галерее тех образов, что помогают помнить о достоинстве русского учителя — в любые времена. Теперь вопрос о том, что сегодня порой подменяет Учителя. Телевидение, Интернет...

В.Р.: Я странный человек — изначально не люблю телевидение. Даже когда оно было ещё «приличным». «Доставка на дом» всего и вся меня не устраивает. Спектакль нужно смотреть в театре, книгу обсуждать с друзьями, на футбол ходить на стадион. Сидеть несколько часов подряд, уставившись в светящийся угол, и потреблять то, что на тебя вываливают, — это неестественно и как-то глупо.

Можно было с самого начала не сомневаться, что огромные возможности телевидения будут использованы во вред человеку. Как есть женщины, не способные к постоянству, так есть и искусства, придуманные в недобрый час, предрасположенные к уродству.

А сегодняшнее российское телевидение — самое грязное и преступное в мире. Я его перестал смотреть, разве что изредка новости, и участвовать в нём желания не испытываю... Там — «свои». Одержимые одной задачей, составляющие один «батальон» лжи и разврата.

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы — сердца людей» — эти слова Достоевского будут вечным эпитафием к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа: одно низменное, животное и второе — возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдаётся. Да, многие привыкли к той телевизионной «жвачке», которой пичкают их с утра до вечера, многим она нравится. И боевики со стрельбой и кровью, и Содом в обнимку с Гоморрой, и пошлости Жванецкого с Хазановым, и эпатажи Пугачёвой, и «Поле чудес», и прочее-запрочее. Ну что же — на то и сети, чтобы ловить наивные души. Одно можно сказать: жалко их, сидящих то ли на крючке, то ли на игле.

И.Ш.: А к другой сети — Интернету — как Вы относитесь?

В.Р.: Плохо. Потому что в сети не прочтёшь «Войну и мир», нет там места и другим серьёзным произведениям. Не хочу никого наставлять, но нужно остерегаться того, что может вымазать изнутри.

Нас потихоньку начинают встраивать в глобалистический порядок. Молодёжь не случайно бунтует против него в Европе. Это бунт против выравнивания, когда сущность каждого народа уничтожается, разрушаются все его культурные особенности.

И.Ш.: Ваше писательское кредо?

В.Р.: Я понимаю себя и всегда понимал всё-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики — идеологическую и историческую. Была Петровская эпоха, была Николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно. Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предьявлять всю художественную мощь вместе с духоподъёмной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала. Это необязательно цензура (хотя я всегда был за нравственную цензуру или за «нравственную полицию» — как угодно её называйте), это могут быть и скрыто противостоящие механизмы, вроде общественного мнения. К примеру, нынешнего, которое вора и проститутку считает уважаемыми людьми и предателю воздаёт почести.

И.Ш.: Ваш взгляд на литературу сегодняшнюю.

В.Р.: Сверхбыстрый и глубокий сброс интереса к книге говорит о неестественности этого явления, о каком-то словно бы испуге перед книгой. Именно этот испуг и нужно считать одной из причин резкого падения числа читателей. Главная причина здесь, конечно, — обнищание читающей России, неспособность купить книгу и подписаться на журнал. Вторая причина — общее состояние угнетённости от извержения «отравляющих веществ» под видом новых ценностей, состояние, при котором о чём-либо ещё, кроме спасения, думать трудно. И третья причина — что предлагает книжный рынок. Не всякий читатель искушён в писательских именах. Вот он идёт в библиотеку... В любой библиотеке вам скажут, что читают по-прежнему немало... Но все поступления последних лет — «смердяковщина», американская и отечественная, и для детей — американские комиксы.

Раньше в нашей словесности смердяковы могли быть литературными героями, но не авторами.

На мой взгляд, девять из десяти сегодняшних книг можно отложить без урона для себя. Не принимаю я сегодняшнего торжества зла, духовредительства, которые навязывают нынешние представители писательского цеха. На мой взгляд, герой нашего времени — тот, кто выстоял, остался при себе.

Читатель правильно делает, когда от греха подальше обращается к классике. А нас читать снова станут лишь тогда, когда мы предложим книги такой любви и спасительной веры в Россию, что их нельзя будет не читать.

И.Ш.: А изменения самого читателя?

В.Р.: За короткий исторический миг число читателей сократилось чуть ли не в тысячу раз. Не считать же, право, за читателей глотателей душешипательных пустот, от которых сегодня пухнет книжный рынок. Это наркотические таблетки в книжной обёртке. Мне кажется, что сегодняшнее вызывающее бесстыдство литературы прой-

дёт, как только читатель потребует к себе уважения. Вернуться к настоящему сейчас — наитруднейшее дело. Может, настолько трудное, что если и можно его с чем-то сравнить, так только с тем, что нам пришлось преодолеть в Великой Отечественной войне. И может, легче было победить фашистов, чем врага, который внутри нас самих.

И.Ш.: Валентин Григорьевич, самый важный вопрос — о сегодняшнем состоянии нашего народа.

В.Р.: Жив народ. Его долготерпение не надо принимать за его отсутствие. В нём вся наша мудрость. И народ не хочет больше ошибаться.

Это начало начал — власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для неё яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в её теле травма на травме, но не убилась, поднять её можно.

Антинародная политика властей того времени привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно, как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужebesием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, — а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, — когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью.

А национальная униженность — это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует, с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, — забвение. Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подмётки — всё чужое, будто ничего у нас своего не было.

Русский человек оказался в изоляции от своих учителей, его сознание и душу развращают и убивают вот уже более двадцати лет, но чутьё-то, чутьё-то, если не разумный и независимый взгляд!.. У нас в крови это всегда было — издали распознавать злодейство. Последний век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни смута XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут.

Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека — в вере, идеалах, нравственном, духовном прямостоянии.

В прежние тяжёлые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во Второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемлённое национальное

чувство — ущемлённое, а не проклятое и не вытравливаемое — стало в этих странах возбудителем энергии.

Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия — отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей — от ничего, под тоскливый вой души. Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают всё население или всего лишь простонародье. Он — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вручённые нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определённого часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавших её веков.

Достоевским замечено: «Не люби ты меня, а полюби ты моё, — вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своём», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «утварь» национального бытия и есть мерило народа.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Всё, что могло купиться на доллары и обещания, — купилось; всё, что могло предавать, — предало; всё, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, — согласилось; всё, что могло пресмыкаться, — пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст.

Специалисты считают, что с той экономикой, которая у нас осталась, Россия уже не должна жить, и если она худо-бедно живёт, то только за счёт того, что проматывает наследство предыдущих поколений и расхищает наследство, которое необходимо оставить поколениям будущим. Россию обдирают как липку и свои, и чужие — и конца этому не видно. Для Запада «разработка» России — это дар небес, неслыханное везение, Запад теперь может поддерживать свой высокий уровень жизни ещё несколько десятилетий. Ну а «домашние» воры, полчищами народившиеся из каких-то загадочных личинок, тащат буквально всё, до чего дотягиваются руки, и тащить за кусок хлеба им помогают все слои населения.

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это покончить с обезьяньим подражателем чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы шёл по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти — вот в чём суть «идейных» поисков. Политические шулеры всё делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную

для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

И.Ш.: Как Вы понимаете подлинный патриотизм?

В.Р.: Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме. Напомню сейчас, что патриотизм — не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землёй, но прежде всего долг перед нею, радение за её духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с её страданиями и радостями. Человек в Родине, словно в огромной семейной раме, где предки взыскивают за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своём Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелёва и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки.

Родина прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом «территория». Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина — он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет — всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло.

Для меня Родина — это, прежде всего, Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной... Родина больше нас. Сильнее нас. Добрее нас. Сегодня её судьба вручена нам — будем же её достойны.

И.Ш.: Каким вы Видите будущее России?

В.Р.: Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали — гробы поднялись бы стоямя и двинулись на защиту своей земли. Такого ещё не бывало, но может быть.

Я верю — мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства — слишком лакомый кусок...

И.Ш.: А что Вы скажете о новом поколении?

В.Р.: У меня впечатление, что молодёжь-то как раз не «вышла» из России. Вопреки всему, что на неё обрушилось. Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодёжью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузы опять конкурсы — и не только от лукавого желанья избежать армии, что всё заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет «грязную» литературу и прилипает к «грязным» экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не уме-

ют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвёрдо, интуитивно, но всё-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодёжь теперь совсем иная, чем были мы, — более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас — за глаза, что, возможно, воспитывает её лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят «воспитатели» из телевидения. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за «свободу».

Ещё раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причём самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию. И я по мере сил буду звать к тому светлому и чистому, что упрятано в нас.

«Русь Державная»,
2012, № 1

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Валентина Григорьевича Распутина,

русского писателя-сибиряка, автора книг яркой и самобытной прозы,
мудрой публицистики — их названия не одно десятилетие у всех на слуху,
общественного деятеля-патриота —

с 75-летием!

Гордимся тем, что Вы автор нашего журнала,
благодарим за сотрудничество.

Желаем здоровья и сил для дальнейшего стояния
за Россию и родную Сибирь!

Редакция

ПОСВЯЩЕНИЕ ВАЛЕНТИНУ РАСПУТИНУ

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ

ПРОРОК

В. Г. Распутину

Над судьбами пастбищ и пашен
навис затопления рок...

Но всё же в Отечестве нашем
нашёлся бесстрашный пророк.

Он пишет правдивую повесть,
о прошлом заводит рассказ
и будит уснувшую совесть,
живущую в каждом из нас.

Радетелей с волчьим оскалом
к позорному ставит столбу
и вместе с несчастным Байкалом
печальную делит судьбу.

Министрам знаком его почерк,
им слова в укор не скажи!..

Зачем он о Правде хлопочет,
когда мы привыкли ко лжи?

К чему ему мерзость порока,
неравная с властью борьба?

А разве ещё у пророка
бывает иная судьба?!

ЛЮДМИЛА БАРЫКИНА

КАК В 1941-м...

В. Г. Распутину

Глаза распутинских старух
глядят нам в души.

Сердца их разрывает тихий стон.

Пожар вокруг.

Наш общий дом разрушен,
И сатана наслал свой легион.

Мне грезится: стоят они в платочках
По всем дорогам мёртвых деревень.

И молятся за нас, сынов и дочек,
Поверивших в пустых посулов звень.
Слова лукавы. Речи громогласны.
Толпа сама собой опьянена:
И строили не то, и выжили напрасно,
Отсталые — всё «русская вина».
Вот «перестроимся»,
Войдём в всемирный рынок —
С Европой уравниаемся в правах,
Но бьёт под рёбра кованый ботинок,
И новый русский падает во прах!
Торопит век. Спешат работорговцы:
В цене всё русское —
мозги, краса невест...
А вдруг опомнимся,
и выйдет по пословице:
И Бог не выдаст, и свинья не съест?
Стоят заступницы, стоят старухи наши
С любовью и молитвой вековой.
Мы перестроились —
Мы строимся на марше.
Как в сорок первом —
Встанем под Москвой!

МИХАИЛ ВИШНЯКОВ

* * *

Приехал Валентин Распутин.
Речь
не бросит с ходу, словно шубу с плеч.

Степенное упрямство мысли.
Брови
натянуты обидчивой струной.
И взгляд впотай, как стволлик нарезной,
но не уклончив, а мерцает вровень
с отеческою болью и виной.

Уйдёт в себя, и долго безотчётно
тьнь думная светает на челе
той самой русской волюшкой вольготной,
мучительной, духовно-неотлётной
любовью сына к матери-земле.

Общаться наспех не стремись — не будет.
Не пустит мысль на ветер и разор.
Присмотрится, приметит, облюбует,
теплей оденет да прочней обует —
гуляй всю ночь просторный разговор!

Соизмеримый с тем большим и малым,
что острой болью плещется в груди,
штормит и стонет, и грозит Байкалом,
эпохой взлётов, горестных провалов,
серьёзной тайной гнева и любви.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

ИВОЛГА

Валентину Распутину

Сядь на вербу и ночь озари,
Чтобы смог я кругом оглядеться,
Голосистая спутница детства,
Расскажи, где твои косари.

Ты открой свою птичью печаль,
Тайну звуков и солнечной боли.
Отзовись, моя иволга, что ли,
Озари сенокосную даль.

Озари, чтобы стало светло
Среди тьмы и увядших растений...
На ладони горит лист осенний,
Как твоё золотое перо.

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

МАТЁРА

Прислушайся к душе —
Она ещё живая,
Она не умерла
В разврате и вине.
Саму себя храня,
Саму себя скрывая,
В молитвенной она
Страдает глубине.

Там тайная страна.
Там Русь — твоя Матёра.
Славянами, как встарь,
Заселена она.
Сияет солнце там
Средь вечного простора
И недругам она
На откуп не сдана.

Сияет солнце там,
И взгляд куда ни брось я,
Ухожена земля,
Куда ни обернись.
Под колокольный звон
Качаются колосья
И молятся в скитах
Святители за Русь.

Пусть нынче на Руси
Пиры справляет нерусь
И сатанеет зло,

Нагляя всё сильней, —
Россия-Русь моя,
В тебе я не изверюсь —
Ещё восстанешь ты
Во всей красе своей!

Не сломлен русский дух!
Ты в нём найдя опору,
Сама распорядись
Державною судьбой!
Прислушайся к душе,
Открой свою Матёру.
Проснись, родной народ,
И стань самим собой!

ЕЛЕНА ЖИЛКИНА

* * *

Валентину Распутину

Им не досталось слов стоустых,
Они безвестны для молвы.
Стоят деревни среднерусские
В ста километрах от Москвы.

Мы знаем: здесь война проухала
Недавно будто и давно...
Живёт она, деревня Глухово,
А рядом с ней Вертошино.

Живут они, как сёстры близкие,
С одною общею судьбой.
А между ними обелиски
С солдатской алою звездой.

И в День Победы, той порою,
Когда заголубеет даль,
Идут сюда одной тропой,
Несут в себе одну печаль.

Над головами, где-то в небе,
Неистово кричат скворцы,
И весть о том, что смерти нету,
Разносится во все концы.

ГЕОРГИЙ ЗАМАРАТСКИЙ

ПРАВДА ЖИЗНИ

Я сну ничуть не удивился,
Который всплыл со дна души:

Опять всю ночь Распутин снился
И говорил мне: «Что ж, пиши,
Но только правду! Правду жизни,
А не подобие её...»

Илиму — маленькой отчизне —
Я верен. Творчество моё
О нём. И сила мудрой мысли,
Распутинская точность строк
Мне помогли. И в этом смысле
Распутин — лучший педагог.

Но подражать я не умею,
Пустой вторичности боюсь...
Нужна мне правда, значит, с нею
Я как писатель состоюсь.

Вернуть бы правду, что со мною
Шагала в ногу, как солдат,
Готовая к любому бою,
Не ради славы и наград.

Найти бы правду, но легко ли
Узнать её среди многих правд?
Я лишь в душе за луг и поле,
И здесь, наверно, я не прав:

Не жну, не сею хлеб на ниве,
Доволен тем что есть — вполне,
Кричу всё чаще и хвастливей,
Что кровь крестьянская во мне.

По доброй воле, между прочим,
Ищу «свой хлеб» по городам,
А есть ли где на свете отчем,
Чем эта — большая беда?

Наверно, правда русской жизни —
В суровых буднях сельских дней...
Быть просто преданным отчизне —
Легко. Вот стать бы нужным ей!

СЕРГЕЙ ИОФФЕ

* * *

В. Распутину

Добротный, навеки поставленный дом
на взгорке, у самой железной дороги.
В нём стрелочник жил. Выходил с фонарём,
цигарку курил в темноте на пороге.

Он знал свое дело — встречал поезда
и стрелку старательно чистил от снега.

Он думал: не сдержит ничто никогда
ни гула, ни свиста, ни стука, ни бега.

Ах, много на свете бессменных вещей,
да, видно, не всё неизменно на свете...
Растут между шпал лебеда и пырей,
играют на рельсах беспечные дети.

Теперь эти рельсы ведут в никуда,
в тупик упираются на косогоре.
А дальше — ангарская плещет вода:
Андрея Ефимыча Бочкина море.

В горах скоростная легла магистраль,
а эта дорога — уже не дорога.
Июнь отцветает, метелит февраль —
Забот у старушки не очень-то много.

Лишь в полночь, от мрачных тоннелей устав,
приходит, не знающий шумных перронов,
печального вида кургузый состав
из двух или трёх допотопных вагонов.

И стрелочник в том не виновен ничуть,
что вдруг его должность сочли за безделку:
оставлен отныне единственный путь
и нету нужды перекидывать стрелку.

...А в доме — иной обитатель. Причём,
как стрелочник, трудится тоже на совесть.
Он пишет здесь повесть. Не знаю, о чём.
Дай бог, чтобы вышла хорошая повесть!

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

* * *

Валентину Распутину

На родине, как в космосе, не счесть
огня и леса, камня и простора,
всё не вместишь, не потому ли есть
у каждого из нас своя Матёра,
своя Ока, где тянет холодок
в предзимний день от влаги загустевшей,
где под ногой ещё хрустит песок,
крупнозернистый и заиндевевший...
Прощай, Матёра! Быть или не быть
тебе в грядущей жизни человечьей —
нам не решить, но нам не разлюбить
твоей судьбы, непостижимо вещей.
Я знаю, что необозрим народ,
что в нём, как в море, света или мути,
увы, не счесть... Да будет ледоход,

да будут после нас иные люди!
Прощай, Матёра, боль моя, прощай,
прости, что слов заветных не хватает,
чтоб вымолвить всё то, что через край
переливаясь, в синей бездне тает...

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

КОЛОКОЛ

В. Р.

Колокольного слова набат — не для узкого
Круга... Пожар не упрячешь в кулак.
Русь, очнись и послушай писателя русского —
Правда стоит дороже, чем хлеб да табак.

Видно, что-то не так в разлюбезном Отечестве,
Если колокол сердца гудит, не шутя,
Если женщина — совесть и мать человечества —
Отомстить поднялась за родное дитя.

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

РУССКИЙ МАНИФЕСТ

Валентину Распутину

И столицами славится Родина-Русь, и деревнями.
Там и тайна характера нашего и ремесла.
Почему-то мы можем представить лягушек царевнами.
Да и где бы сестрица козлёночка-братца спасла?

Почему-то нам жаль целый мир, а себя и не жалуем.
И последней рубахой воистину не дорожим.
И по Млечному запросто ходим, как будто по палубе.
И над златом, кому посчастливится вдруг, не дрожим.

Он, конечно, не выгоден, этот характер невиданный,
Прежде всех самому, да такой уж случился народ.
Ну а я расцветаю, как будто девица на выданье,
То ли песню услышу, то ль в русский войду хоровод.

Пропадёт моя Русь, так никто на земле и не выстоит.
Нету русским начала и, видно, не будет конца.
И какой басурманишка в белую лебедь ни выстрелит,
Возвратится стрела и убьёт самого же стрельца.

Что вы, чёрные вороны, по полю чёрному рыщете?
Что вы, чёрные вороги, наши считаете дни?
Нет, другого такого народа на свете не сыщете.
Мы ни лучше, ни хуже. Мы просто такие одни.

-00047-

ЛУБОК

Валентину Распутину

Где у камня три дороги
Разбежались в стороны,
Придержал устало ноги
Мужичонка вздорный.

Потрудясь, прочёл скрижали,
Поцарапал в темени:
— Ну, таперича едва ли
Попаду в деревню.

Вправо — плохо, влево — худо,
Посередке — лихо.
Покурю-ка я покуда,
Поразмыслию тихо.

Сел, сварганил козью ножку,
Затянулся. — Э-эва!
Надо вправо взять дорожку,
А пойти налево.

Головою просвещённой
Он тряхнул упрямо,
И пошел, попёр крещённый,
Как обычно — прямо.

НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Эпохи узел груб и не распутан.
Народ живёт, таясь, как в блиндаже.
Но скажет слово тихое Распутин —
и как-то легче станет на душе.

Он — не астролог. Он — не Павел Глоба.
Но скажет слово — и поверю я,
Что, как трёхдневный Лазарь,
вновь из гроба
Восстанет Русь воскресшая моя!..

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

* * *

Валентину Распутину

Время другое сегодня звенит под окошками.
Чудится многим, что вечного нет на земле.

Счастлив я тем, что ходил полевыми дорожками,
Слушал колосьев шуршание в солнечной мгле.

Мало ли туч проплывало над нами с угрозами?
Счастлив я тем, что живу, никому не отдав
Ивы над омутом, тихий родник под берёзами,
В жёлтых платочках головки весенних купав.

Это моё, это с детства святое и близкое,
Вместе с иконами, с воинским снимком отца.
Родина — то, что порой не понять и не высказать,
Только почувствовать, только любить до конца...

ПЁТР РЕУТСКИЙ

СРЕДИ ЗИМЫ

Валентину Распутину

Я весь в долгах, не утаю.
Они кругом, я ими маюсь.
Как мало людям отдаю
И очень много занимаю.
Я занимаю доброту,
Пусть тот заём ещё продлится.
По белу свету побреду,
Чтоб добротой поделиться.
Я обойду знакомых всех,
Спрошу, кому и сколько должен.
И знаю, кто-то скажет: «Дожил»
И выдворит в ночи на снег.
Замёрзну я среди зимы.
Ну что ж,
как нам диктует старость,
И это надо брать взаимы,
Чтоб в людях меньше зла осталось.
Приняв, его я не отдам
Друзьям или кому другому.
Скорей проклятию предам,
Чем отнесу к чужому дому.
Знакомы мне и грусть и смех,
Добро и зло.
Но больше в свете
Тех, кто как близкого приветит,
Не отошлёт в ночи на снег.

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ПОЖАР

Валентину Распутину

Ты первым увидел пожар.
Огонь, стремителен и страшен,

Всё накрывал, всё поражал —
От ветхих стен до вечных башен.

Сбежались люди.
Кто тушил,
А кто плескал на пламя масло.
Кто о погублённом тужил,
А кто злорадствовал: не гасло!

Поглядывали за бугор
Пожарные, твердя народу:
— Вот-вот должны прислать багор,
А там и лестницу, и воду!

И торопились под шумок
Дать ход дешёвому подлогу:
— Ну, догадайтесь, кто поджжёт?
Не тот ли, кто забил тревогу?

Дым застилает белый свет...
И лишь пожарным слепошарым
До погорельцев дела нет —
Они любят пожаром.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Ему нелегко в Казахстане живётся —
В заносчивом городе Алмааты.
И всё же Валерка Михайлов смеётся.
В глазах его — дикий простор чистоты.

Покуда автобус трясётся, как трактор,
И я поминаю судьбу матерком,
Смеётся Валерка
над каторжным трактом —
Он в жизни с дорогой и жёстче знаком.

В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит
сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных,
Валентин наш Григорьич,
Пути твоей отчины шибко круты!

Шумим, как в набеге лихие татары,
Глубинной печали твоей не в укор —
Я, грубый толмач и поэт из Самары,
Валерка — редактор журнала «Простор».

Набег в Усть-Уду нелегко нам даётся,
Где тихо грустит молчаливая Русь...
...Валерка от робости громко смеётся,
А я от волнения слегка матерюсь.

БАЙКАЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Байкальский день!
 Ах, как он разгорался!
 Ах, как он плавил слиток Ангары!
 Его лучи оранжевою краской
 Раскрашивали дачные дворы.

Его лучи — нектаром благодатным
 Одаривали почки и цветы.
 Из крепких ульев —
 над селом нарядным
 Летели пчёлы в дачные сады.

Байкальский день. Натянута верёвка.
 Хозяйки сушат дачное бельё.
 Дотошный день. Посажена морковка,
 Чтоб дети летом хрумкали её.

В искрящемся, ликующем затоне
 Байкальский лёд на иглы разделён,
 И у Байкала — тянутся ладони:
 Осыпать мир холодным хрусталём.

Мне кажется, вселенную разбудит
 Гремучая байкальская волна...
 В тугую грядку Валентин Распутин
 Бросает золотые семена.

Он слово вдохновенное посадит,
 Которое не зарастет быльём...
 Хорошей жатвы, мудрый наш писатель,
 Тебе в байкальском домике твоём!

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

* * *

В. Р.

Ветер пел, и звучал над Байкалом
 Шумный голос, ласкающий слух.
 Солнце нежную власть излучало,
 Протекая сквозь облачный пух.

Разгулялась в предчувствии шторма,
 Серебром наливаясь, волна.
 И берёза на выступе горном
 Вся на милость ветрам отдана.

Белой чайкой над зыбью Байкала,
 Накренившись, летит катерок.

Всколыхнулась вода у причала,
Чуть померк серебристый восток...

Всё — предзимье и всё — предсказанье,
Но настолько светла глубина,
Что душа, как при первом свиданье,
На краю непробудного сна

Бредит юностью, тайной, надеждой,
Невозможной, но яркой мечтой...
Ветер с моря — палач побережья —
Жёстко треплет венец золотой.

Всё осыплется, выгорит вскоре.
Выйдет в море рыбацка-луна.
Будет холодно в диком просторе,
Будет звёздами вечность полна.
Скоро ночь и мороз переспорят
Гладь небесную, мир полоня...

Но останутся в счастье и в горе,
Чтобы вечно тревожить меня —
Берег жизни, глубокое море.
Ясный свет Валентинова дня.

*****